САМОЕ ДОРОГОЕ ОТКРЫТИЕ

Рассказывает
Василий Шукшин

Фильм В. Шукшина «Калина красная», удостоенный главной премии на Всесоюзном кинофестивале в Баку, привлек пристальное внимание широкого зрителя, вызвал множество откликов, вопросов.

Как показывают многочисленные отзывы, пишут в «Правду» москвичка Т. Акатова, ленинградец А. Битадзе, задела души и сердца судьба главного героя фильма «Калина красная». Картина смотрится с интересом, она захватывает реалистической игрой актеров, особенно исполнителя главной роли, говорится в письмах в редакцию Л. Климовича из

г. Кропоткина Краснодарского края, А. Кубарева из Ленинграда, А. Колчанова из г. Минска, но концовка — гибель Егора — вызывает недоумение, неудовлетворение. К этому мнению присоединяются В. Петровский из г. Мичуринска Тамбовской области, В. Зырянова из Новосибирска, А. Батуев, В. Полонский и Л. Лукашева из Ленинграда и другие читатели нашей газеты.

Наш корреспондент Г. Кожухова попросила Василия Макаровича Шукшина ответить на вопросы, наиболее часто встречающиеся в редакционной почте.

— Наша съемочная группа только что вернулась из недельной поездки по Краснодарскому краю. В Москве — на студии и дома — нас ждали кипы писем. Эти встречи и эти письма тревожат душу, выдвигают самые неожиданные вопросы, корректируют в твоем сознании то, что казалось незбылемым. А в чем-то, наоборот, утверждают, рассеивают сомнения.

Автору всегда трудно объяснить свое сочинение. Вроде сказал там все, что собирался сказать. Но раз возникает такая необходимость, давайте попробуем. Ведь на многое хотелось бы ответить и другим и самому себе. Начну с того, о чем — против ожидания — спрашивают редко.

Правдоподобно ли, чтобы молодая деревенская женщина — натура чистая и цельная — полюбила (к тому же еще поначалу заочно) рецидивиста-вора и чтобы ее родители и близкие безоговорочно просто распахнули ему навстречу и двери и души?

Это меня подсудно беспокоило. Ведь сама ситуация — в картине взята крайне условная, как любят говорить рецензенты — надуманная. В самом деле: в крестьянском доме (да и только ли в крестьянском?) так просто человека с улицы и ночевать-то не оставят. А тут не с улицы — из тюрьмы! И смотрите: люди естественно приняли невероятно условную ситуацию. Ни у кого не возникло даже тени сомнения насчет правомерности доверия к такому человеку, как Егор Прокудин. Вот какова сила предрасположения нашего народа к добру, к тому, чтобы открыть свое сердце всякому, кто нуждается в теплоте этого сердца. Я не мог не знать с самого детства этого качества советского человека, но здесь оно вновь прозвучало для меня как самое дорогое открытие. Насколько же откровенно и доверительно можно разговаривать в искусстве вот с такими людьми. А мы подчас сомневаемся: поверят ли, поймут ли...

В среде кинематографистов не утихают споры о том, какие темы, средства выразительности современнее, доходчивее, новее. И вот какие неожиданные ответы дает нам жизнь. Есть — если вы помните — в нашей картине очень важный для смысла эпизод встречи Егора со старшей матерью. Мы понимали, как необходимо здесь добиться, чтобы потрясение, испытываемое Егором Прокудиным, передалось бы и зрителю. Решили уговорить сняться в крошечной сценке кого-нибудь из очень больших актрис и позвонили В. П. Марецкой. Вера Петровна дала согласие, но, к сожалению, вскоре заболела. А производство, как обычно, диктовало свои сроки. Вот тогда и дерзнули попробовать отыскать реальную судьбу, сходную с той, которая нам была нужна. Война, к сожалению, оставила нам много подобных судеб... Мы засняли документальную беседу именно с такой матерью, у которой война отняла всех сыновей. Разумеется, кое-что было дополнено поздними досьеками, монтажом, но, повторяю, в принципе это — хроникальные кадры. И как удивительно: все, буквально все почувствовали неподдельность. Зритель безошибочно ощутил подлинность, мгновенно почувствовал, что здесь — сама жизнь, не «подредактированная» актерским опытом.

Смотрите, что тут могло произойти и что произошло. Любая, даже очень хорошая исполнительница в этом по сути своей «чувствительном» эпизоде жаловалась бы — за героиню — на ее одиночество, нелегкое житье. Пусть даже не осознанно, в самой неконтролируемой интонации, но пыталась бы вызвать во что бы то ни стало человеческое сострадание. Боюсь, что и я как режиссер добивался бы именно этого. Между тем простая русская женщина — мать органически не способна нить; любую невзгодю она переносит с достоинством — это вновь щемяще точно подтвердил экран. Надеюсь, мои рассуждения не будут восприняты как скрытый призыв долой, мол, актерский трюк! Напротив, я этот труд уважаю, сам занимаюсь им: а актеров, признаюсь, очень люблю. Просто рассказываю об одном уроке мастерства, преподанном зрителями. Думаю вслух о том, что путь постижения искусством правды жизни — всегда нехоженый путь.

Почему погубит Егор Прокудин? Этого вопроса задают чаще всего. Он, мол, уже осо-

знал: надо было, чтобы он женился и стал честным тружеником.

У меня так много ответов, в общих, и частных. Если бы знать, какой из них — единственный... С одной стороны, понимаю: смерть человека — настолько сильное действующее средство воздействия на чувства людей, что использовать ее в искусстве следует очень осторожно. Но тут же вспоминаю, допустим, книгу юности. Мартин Иден, человек огромной воли, много испытавший, и вдруг, когда уже столько сделано, выбрасывается в иллюминатор... И как много таких примеров в мировом, отечественном и советском искусстве.

Видимо, тут есть еще вот что. Если толковать роман (или фильм), идя по стопам сюжета, произведение искусства невольно сведется к схеме. Скажем: он ее разлюбил, она бросилась под поезд. Но ведь дело не в том, что бросилась под поезд; есть же в романе слои более существенные, глубокие, глубинные, в них — суть. Я не сравниваю. Просто иду ответы.

Протест против смерти Егора Прокудина — чисто эмоциональное возражение людей, отдавших непутевому парню свои симпатии. Однако ведь есть более высокий суд — суд разума. А разум обязан анализировать, на то он и разум.

Меня спрашивают, как это случилось, что я, деревенский парень, вдруг все бросил и уехал в Москву в Литературный институт (правда, туда меня, понятное дело, не приняли — за душой не было ни одной написанной строки; поступил на режиссерский факультет ВГИК, в мастерскую М. И. Ромма).

Самая потребность взяться за перо лежит, думается, в душе растрезоженной. Трудно найти другую побудительную причину, чем ту, что заставляет человека, знающего что-то, поделиться своими знаниями с другими людьми.

По всей вероятности, так же случилось и со мной, когда я еще писал повесть — задолго до фильма. Владела мысль не о тех, кто уже свернул с дороги. В конце концов это люди взрослые, захотят — найдут средство вернуться к жизни. Моя озабоченность и тревога — о юных душах, о тех, кто может оказаться на опасном пути.

Перед нами — человек умный, от природы добрый и даже — если хотите — талантливый. Когда в его юной жизни случилась первая серьезная трудность, он свернул с дороги, чтобы, пусть даже бессознательно, обойти эту трудность. Так начался путь компромисса с совестью, предательства — предательства матери, общества, самого себя. Жизнь искривилась, потекла по законам ложным, неестественным. Разве не самое интересное и не самое почтительное обнаружить, вскрыть законы, по которым строилась (и разрушалась) эта неудавшаяся жизнь? Вызывает недоумение, когда иные критики требуют показа в пьесе «благородной» жизни: не противоречит ли это самому слову — драма?.. В постижении сложности — и внутреннего мира человека, и его взаимодействия с окружающей действительностью — обретается опыт в разум человечества. Не случайно искусство во все века пристально рассматривало смятение души и — обязательно — поиски выхода из этих смятений, этих сомнений. В избранном нами случае только развернутая картина драмы одной жизни — с ее началом и концом — может потрясти, убедить. Вся судьба Егора погибла — в этом все дело, и неважно, умирает ли он физически. Другой крах страшнее — нравственный, духовный. Необходимо было довести судьбу до конца. До самого конца.

И дело не в одном авторском намерении. К гибели вела вся логика и судьбы, и характера. Если хотите, он сам неосознанно (а может, и осознанно) ищет смерти. Вспомните, как незащищенно он идет на драку с бывшим мужем Любы и как, ничем себя не обезопасив (не может же он считать надежной защитой гачный ключ), шагает по пашне навстречу тем, чьи законы знает слишком хорошо. Ведь стояло ему только сказать два слова парнишке, который работал с ним на тракторе, и все было бы в порядке. Но он не сказал. Почему?

Посещение матери, как мне кажется, вывело его мятущуюся душу на вершину понимания. Он увидел, услышал, узнал, что никогда не замолит ему величайшего из человеческих грехов — греха перед

матерью, что никогда уже его больная совесть не заживет. Это понимание кажется мне наиболее поучительной минутой его судьбы. Но именно с этой минуты в него и вселяется некое безразличие ко всему, что может отнять у него проклятую им же самим собственную жизнь.

То же обстоятельство, что убивают его мстительные люди, а не что-нибудь другое, — может быть, мой авторский протест, ибо у смерти появляется и другой, поверхностный смысл. «Что же, — возмущенно спрашивают некоторые, — у таких людей нет другого выхода?!» Как нет? Мы же сами видели непоказную доброжелательность многих и многих славных людей, протянувших ему бескорыстно руку помощи. Это ведь он не сумел воспользоваться, застраховать себя от трагической случайности.

А что касается его бывших «друзей», то здесь мне и не хотелось бы сглаживания углов. Это поистине какие-то выродки со своей, извините за выражение, «философией». Не случайно главарь говорит: «Он человеком и не был. Он был мужик. А их на Руси много». Видите — убивают не просто «перекованного» вора, убивают убежденного противника, врага, открыто противопоставившего их «принципам» морали трудового человека.

Впрочем, у меня есть письмо от человека из тюрьмы. Так вот он утверждает, что «честные воры» на меня обиделись. Мы, сообщает он, убиваем не тех, кто выходит из «игры», а только таких, кто не соблюдает определенные правила. При этом слово «вор» мой корреспондент пишет с большой буквы... Видите: тоже существенные представления о нравственных ценностях.

...Как было бы славно, если бы фильм, книга или спектакль одновременно решали ту или иную проблему. Тогда составили бы реестр проблем, раздали бы его писателям, режиссерам, артистам и — в назначенный срок покончили бы со всеми отклонениями от человеческой нормы, от нашей морали. Увы, искусству это не под силу...

Что собираюсь делать дальше?

Ясное дело, работать. Искать какую-то новую ступеньку. Пока конкретно про ту ступеньку знаю мало. Догадываюсь: надо порвать с собственными пристрастиями. Моя деревня, моя деревня... Как любит наш брат описывать переживания горожанина, приехавшего погостить в родное село. Как трюгают нас коромысла, ухваты, запах сушеных грибов. Насколько, дескать, здесь все чище, несуетнее... Ну, а дальше что? Пора бы нам посерьезнее обращаться к действительным проблемам жизни деревни, раз уж мы так ее любим. И в книгах своих, и в кино я говорил лишь о тех, кого знаю, к кому привязан. Делился, как умел, своими воспоминаниями, своими привязанностями. Теперь надо выходить на дорогу более широких размышлений, требуется новая сила и смелость, требуется мужество открывать новую глубину и сложность жизни. Надеюсь, верую: она впереди, моя картина (а может быть, книга), где удастся глубже постичь суть мира, времени, в котором живу. Все мысли — об этой будущей работе.

Сейчас снимаюсь в фильме С. Бондарчука по роману М. Шолохова «Они сражались за родину».

Продолжаю заниматься темой, которой отдал уже не один год жизни: Степаном Разиным. Это будет и книга, и, надеюсь, кинокартина.

Со жгучим интересом жду спектаклей по моей первой пьесе. Премьеру комедии «Энергичные люди» должны показать в Москве — Театр имени Вл. Маяковского, в Ленинграде — Большой драматический театр имени М. Горького. «Энергичные люди» — о тех, кто пытается в нашем обществе «процветать» за счет общества, об «эвтузиастах» собственного кармана. Вообще к театру меня влечет. Хотят понять, в чем его живая сила, феноменальная стойкость. Если мой первый опыт пройдет удачно (имею в виду «Энергичных людей»), обязательно найду силы и время поработать для театра. Но это все — из области мечтаний.

Самое же реальное — это стопка чистой белой бумаги. Хожу вокруг нее, прикидываю. А не засест ли навсегда за письменный стол? Вот сейчас только взял в издательстве «Советская Россия» собственный сборник рассказов под названием «Беседы при ясной луне». Может быть, это и есть главное?